Между тем удельный вес кооперированных крестьянских хозяйств в стране оставался низким. На 1 января 1926 г. он составил только 24,55 %. На одно потребительское общество приходился в среднем 141 пайщик[47].

В 1927 г. резко сократились паевые капиталы и прибыль низовых кооперативов. В марте 1928 г. председатель правления Центросоюза И.Е. Любимов информировал СНК о тяжелом финансовом положении всей системы потребительской кооперации. Начались регулярные перебои с платежами как наличными за поставляемые предметы купли-продажи, так и по обязательствам за уже приобретенные товары. Задолженность потребительской кооперации Госбанку достигла 15 000 000 руб.; долги Центросоюзу областных и районных союзов – 5 827 000 руб.[48] Главной причиной этого стала проводимая в стране кампания по снижению розничных цен вопреки законам рыночного развития экономики. Установленные, жестко нормированные и ставшие обязательными для всех кооперативных организаций наценки на отдельные товары не обеспечивали функционального накопления и сделали торговую деятельность во многих случаях убыточной. Кроме того, планы кредитных учреждений составлялись по директивам, предусматривавшим продолжение курса на изъятие средств из потребительской кооперации. Ухудшение условий расчета с государственной промышленностью уменьшило размер оборотных средств.

Создавшаяся ситуация была использована властью для наступления на кооперацию. В мае 1928 г. был ликвидирован Вотский областной кооперативный совет. С переходом на карточную систему снабжения городского населения продовольствием потребительская кооперация превратилась в распределительный аппарат государства. Восстановленные с переходом к нэпу крестьянский рынок и частная торговля постепенно разрушались. Началось полное огосударствление всех звеньев кооперативной системы.

О.И. Васильева
Ижевск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА УДМУРТИИ НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Накануне сплошной коллективизации Вотская (Удмуртская) автономная область в границах того времени представляла собой сложный хозяйственный комплекс, состоящий из промышленно развитого цен-

---

[47] РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.
[48] ГАРФ. Ф. Р–5674. Оп. 8. Д. 607. Л. 1, 7.

тра и сельскохозяйственных районов, ослабленных вследствие войн и стихийных бедствий. В 1928 г. в регионе проживало 806,4 тыс. чел., в том числе в сельской местности – 717,9 тыс. (89 %)[49].

Некоторое ослабление налогового гнета, восстановление свободной торговли в период новой экономической политики способствовали экономическому росту крестьянских хозяйств. Посевная площадь в 1927 г. достигла довоенного уровня, постепенно увеличивалось поголовье скота. Доля безлошадных и бескоровных хозяйств сокращалось, но все же оставалось больше, чем в 1916 г. (табл. 1).

Таблица 1

Количество безлошадных и бескоровных хозяйств в Удмуртии в 1916 – 1927 гг. (в %)[50]

Хозяйств	1916 г.	1925 г.	1927 г.
безлошадных	7	17,1	10,7
бескоровных	6	11,4	10,8

Окрепшее крестьянское хозяйство все больше нуждалось в свободном хозяйственном маневре, взаимовыгодных отношениях между городом и деревней, в полной реализации принципа материальной заинтересованности. Отчетливее проявлялись интересы различных групп крестьянства. Беднота требовала от государства поддержки и защиты, зажиточные – простора для хозяйственной инициативы, предпринимательства.

К 1927 г. прослойка середняков в составе крестьянства в результате восстановительных процессов несколько увеличилась. По данным Комиссии СНК СССР по изучению тяжести налогового обложения в 1927 г. среди крестьянских хозяйств было 3,9 % кулацких, 62,7 % середняцких, 22,1 % бедняцких и 11,3 % пролетарских хозяйств[51]. Определенную роль в этом сыграла и налоговая политика государства: предоставление льгот при уплате налога маломощным хозяйствам, освобождение от налогов бедняцких хозяйств.

В условиях, когда соотношение цен на рынке было не в пользу деревни (с 1926 г. в стране проявился товарный голод и цены на промышленные товары резко поднялись), а город не обеспечивал крестьянское хозяйство необходимой ему продукцией, возросло недовольство крестьянства. Уже в 1925 г. трудности с хлебозаготовками показали, что назревают серьезные социально-экономические проблемы. Пытаясь за счет крестьянства решить проблему накопления средств для проведе-

---

[49] Удмуртия к 15 годовщине Октября. Ижевск, 1932. С. 23.

[50] 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921 – 1931. Ижевск, 1931. С. 43, 48.

[51] *Данилов В. П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1988. С. 240.

ния ускоренной индустриализации, государство ужесточило условия его существования.

Закупочные цены на хлеб в 1925 г. были снижены почти вдвое по сравнению с 1924 г. (с 94 коп. до 47 коп.). Не испытывая материальной заинтересованности, крестьянство сократило производство зерна, увеличило внутридеревенское потребление продуктов. Снижение государственных закупочных цен на зерно, продолжающееся наступление на зажиточные, предпринимательские слои уничтожали стимул к расширению посевов, росту урожайности, увеличению товарности. Весьма показательны в этом отношении сведения о развитии сельского хозяйства Бардымского района, сохранившиеся в фонде Сарапульского окрисполкома (табл. 2).

Таблица 2

Количество посевных площадей в Бардымском районе Сарапульского округа в 1920-е гг. (га)[52]

	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Озимых	19215	7773	6967	13384	15609	12948	10603
яровых	13483	5205	3051	8523	7558	8700	5307
всего	32698	12978	1018	21907	23167	21648	15910
% к 1916	100	39,7	36,6	66,9	70,8	66,3	48,6

Данные свидетельствуют, что сокращение площади посевов шло в Бардымском районе вплоть до 1922 г., в 1924 – 1925 гг. она растет, хотя и не достигает довоенного уровня, а с 1926 г. вновь начинает уменьшаться. За 1925 – 1927 гг. число хозяйств, производивших посевы от 2 до 9 десятин, в Бардымском районе выросло на 61,5%, а количество хозяйств, засевавших от 9 – 10 десятин и выше, уменьшилось на 100 %[53]. Таким образом, на попытку экономического принуждения крестьянство ответило адекватными экономическими мерами – сокращением посевных площадей и уменьшением производства товарного хлеба.

Значительную часть дохода крестьянство стало получать не от сельскохозяйственных отраслей, а от промышленности (ремесла, лесозаготовки и т. д.). В условиях низких закупочных цен на хлеб внеземледельческие занятия приносили им больший доход. Так, доход от сельского хозяйства по налоговым спискам по Бардымскому району составил на одно хозяйство в 1927 г. 118 руб. в год, а месячный заработок семьи, заготовлявшей мочало – 88 руб.[54]

Общую картину состояния сельскохозяйственного производства в Удмуртии рисуют статистические данные областной плановой комиссии (табл. 3).

---

[52] ЦГАУР, Ф.Р–370, Оп. 1, Д. 710, Л. 17.
[53] Там же.
[54] Там же, Л. 19.

Таблица 3

Количество посевных площадей в Удмуртии в 1920-е гг. (тыс. га)[55]

Годы	1916 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Площадь посева	727,8	236,0	397,6	631,4	730,5	774,7	781,3	752,1
В % к 1916г.	100	32,6	54,6	86,7	100,3	106,5	107,3	103,3

Таблица показывает, что рост посевов в 1925 – 1927 г. хотя и наблюдался, но был значительно ниже, чем в период 1923 – 1924 гг. В 1928 г. происходит сокращение площади посева. В определенной степени причиной этого стал пониженный урожай 1927 г., но, несомненно, и влияние экономической политики государства. Это особенно отчетливо проявляется, если мы проанализируем соотношение отдельных культур в общей посевной площади (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение сельскохозяйственных культур в общей посевной площади Удмуртии (в %)[56]

Культуры	1916 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Зерновые	95,2	92,4	94,0	92,2
Лен	3,2	4,2	2,4	4,1
Конопля	0,8	0,5	0,5	0,6
Картофель	0,7	1,7	1,8	1,8
Овощи	св. нет	0,4	0,4	0,4
Травы	0,1	0,8	0,9	0,9

Таким образом, в 1920-е гг. в соотношении отдельных культур в общей посевной площади происходят качественные сдвиги: увеличивается площадь под техническими культурами, уменьшается площадь под зерновыми культурами. Совокупность указанных причин обострила зерновую проблему и привела экономику страны на грань кризиса. Свидетельство этому – кризис хлебозаготовок 1927 – 1928 гг.

Социалистический сектор в сельском хозяйстве ВАО находился в зачаточном состоянии, к 1927 г. имелось лишь 5 совхозов. Различные формы коллективных хозяйств (в 1917 г. их насчитывалось 49) объединяли 1775 крестьянских хозяйств, что составляло 1,5 % от всех хозяйств области. Следует отметить, что существовавшие колхозы состояли в среднем из 11,1 хозяйств и по способам хозяйствования, обеспечению сельскохозяйственным инвентарем и скотом не отличались от индивидуальных хозяйств[57].

Как политическое, так и прикладное значение накануне сплошной коллективизации имел вопрос о социальной градации крестьянства. Он

---

[55] Табл. сост. по: 10 лет Удмуртской автономной области. С. 42, 47.
[56] Там же. С. 47.
[57] 10 лет Удмуртской автономной области. С. 46.

представлял особую сложность, так как охватывал весь комплекс хозяйственных и имущественных отношений в крестьянской среде применительно к региону и даже его отдельных частей (для Удмуртии, например – севера и юга). Это такие показатели как количество надельной земли и пашни, наличие рабочего скота и количество членов семьи, отношения между имущественными группами.

Наиболее актуальной в канун сплошной коллективизации становилась проблема социальной градации крестьянства, в частности, выделения в нем кулаков. Председатель облисполкома ВАО Т. Борисов на IX областной партконференции (ноябрь 1925 г.) говорил: «Некоторые товарищи говорят, что у нас нет совсем кулаков, что этот слой разложен. Другие придерживаются совершенно иной точки зрения... В нашей области есть эксплуатация одной части крестьян другой. В каких размерах и в какой форме, сказать невозможно... Этот вопрос требует глубокого обсуждения, потому что от правильного разрешения его зависит судьба всей нашей революции». Он пытался дать свою оценку классового расслоения удмуртской деревни: «Безпосевных крестьян 1,1% – это батраки, с посевом от 1 до 2 десятин – 22,3% – бедняки, от двух до шести десятин – 62,9% – середняки и отчасти бедняки, от 6 до 10 десятин – 12,4% – наиболее опасный слой, в нем могут находиться кулаки, и больше 10 десятин – 1,3%». В то же время, он отмечал: «Все же вопрос о классовом расслоении еще плохо разработан. Но мы можем сказать, что у нас кулаков на 1000 самое меньшее трое и самое большее – 13. В среднем 7 – 8 человек типичных кулаков»[58].

В архиве сохранилось письмо крестьянина деревни Козлово Советской волости Ижевского уезда В.Д. Дюпина, в котором он просит: «...разъясните мне, кто должен быть кулаком и по каким причинам. Вот у нас в деревне были установлены бригадиром два кулака – Конюхов Сергей и Пушкарев Григорий. Они немало эксплуатировали и применяли чужой труд, ежегодно обсевали исполу у бедняков на кабальных условиях, захватывали другие деревни... Но фактически сумели провести из двух только Конюхова, а Г. Пушкарева оставили как середняка, так как он дал бедняку 10 пудов овса. Бригадир уехал. Конюхов убаюкал бедняков, и на бедняцком собрании решают: он середняк. Долго думают, кого поставить кулаком? А вот Дюпин имеет шерсточесалку, и конечно, кулак, хотя я работал на ней в общей сложности два месяца, общий заработок в 380 рублей, работал только личным трудом, землю имею на четырех едоков... Имею одну лошадь, молотилку, плуг»[59].

Вопрос о социальной принадлежности окажется жизненно важным, но так и не выясненным окончательно. Для этого, вероятно, были свои

---

[58] ЦДНИ УР, Ф. 19, Оп. 9, Д. 567, Л. 23. 43.
[59] Там же, Оп. 10, Д. 247, Л. 163.

причины. Определение хозяйства как трудового или эксплуататорского на практике оказалось делом более трудным. Заметим, что в дореволюционный период к кулакам относили крестьян, занимающихся скупкой, перепродажей, торговлей, ростовщичеством, то есть не производителей, а спекулянтов. Возведение имущественного неравенства в основной критерий для определения классов и привело к объединению зажиточных (а чаще средних) крестьян с кулаками.

Весной 1928 г. областным статистическим управлением было проведено выборочное обследование по всей области, охватившее 11872 хозяйства. Из них арендовали пашню 3,5%, а сдавали пашню в аренду – 1,1%. Хозяйств, насчитывающих три лошади, было 2,4%, четыре и больше – 0,6 %. Обеспеченность хозяйств посевной площадью характеризовалась следующими цифрами: не имевших посевной площади и имеющих ее в размере до 2,28 га было 8,5%, с площадью от 2,29 до 11,03 га – 86,5% и с площадью от 11,04 до 17,6 га и выше – 4,9%[60].

Одним из главных признаков кулацкого хозяйства считалось использование наемного труда. Но этот труд, как отмечают исследователи, в Удмуртии применялся в минимальной степени. Наемная рабочая сила, используемая в основном на подсобных и временных работах, не могла определить экономическое положение зажиточных крестьян, стать источником их обогащения.

В заключение отметим, что процесс имущественного расслоения крестьянства накануне сплошной коллективизации, несомненно, имел место, хотя и не в такой степени, как его пытались представить идеологи и практики колхозного движения, а вслед за ними и историки.

И.И. Васина
Екатеринбург

РОЛЬ ГЕРМАНИИ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ УРАЛА В 20 – 30 ГГ. XX В. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УРАЛА[61]

Россию и Германию связывают длительные вековые отношения. Эти взаимоотношения носили разный характер, были моменты и тесной дружбы и вражды. Немецкая экономика, наука и образование оказали значительное влияние на развитие этих вопросов в России. Германские университеты, банки и компании способствовали индустриализации российской экономики.

---

[60] Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929. С. 95.

[61] Подготовлен при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013 гг.» по проблеме «История и философия науки и техники» (Госконтракт №П 320).